

В ПРОШЛОМ году я был в Финляндии. Деловая поездка. Пригласили посмотреть несколько спектаклей в Тампере и высказать свои впечатления. Спектакли я посмотрел, впечатления высказал (разные, «от» и «до»), но не о них, простите, тут будет речь. Поначалу я о поездке не собирался писать, но, послушав, в какой свист выходит пар нашего театрального, да и не только театрального паровоза, решил все же поделиться тем, что видел там на улицах, в библиотеке, в цехах театра и вообще всем, кроме сцены.

Если в одно слово, то видел я порядок. То есть то самое, о чем уже давно тоскует душа. И, кстати, тело также. Спокойные, несуетливые люди на улицах. Женщины, не обремененные сумками. Спросишь у прохожего дорогу, терпеливо объяснит, а то и пройдет с тобой немного, чтобы уточнить. В универмагах не в том дело, что всего полно (это само собой), а все выглядит привлекательно, и, чтобы помочь разобраться, обязательно подзовут продавщицу, которая говорит по-русски. Перекусить не проблема, всюду закусовые. Не только «Макдональдсы», но и другие, сходного типа (конкурируют). Цены весьма доступные. И — никаких очередей. Так что если позволите употребить уже не одно, а еще три слова, то повсюду встретил я благополучие, спокойствие и доброжелательство.

Как же так? — задаешь себе вопрос. Ведь это не Швеция, которая не воевала полтора столетия, а страна, прошедшая в первой половине нашего века через три войны. И все с нами. Потерявшая много людей. Разрушенная к 1945 году. И вот теперь, через 45 лет после войны, — порядок, благополучие, спокойствие. И доброжелательство — к нам? К тем, с кем воевали! И все это не напоказ, не в столице, а в провинциальном городе Тампере. А может, доброжелательство потому, что приглашен? Нет, оказывается, ко всем.

Что поражает?

В маленьком, крохотном театрике со зрительным залом на верхнем этаже — лифт для инвалидов. И при входах в магазины, в гостиницы, в рестораны — пандусы, чтобы инвалидам было удобно на колясках въезжать. Они и ездят повсюду, чувствуя себя свободными. А молодые — даже веселыми.

В библиотеке оригинальной архитектуры (здание напоминает птицу со сложенными крыльями — финны вообще великопеленные архитекторы) книги, кассеты и пластинки выдаются на дом по листку, где достаточно указать лишь фамилию и адрес. И все. И никаких паспортов. А в отдельном помещении для детей (могут запросто прийти с улицы) — телевизоры, мультики, детские книжки. Берут и читают. А еще в один зал ежедневно к двум часам приходят артисты и играют для детей. И все это бесплатно. Да, финны платят налоги. Но ведь и мы платим.

А в костюмерном цехе театра — раздвижные манекены. И артистам не надо часами выставлять на примерках. На каждого артиста запись с его размерами. Требуется что-то пошить — установили на манекене замеры артиста и примеряй сколько душе угодно.

Правда, для того чтобы все это сделать, надо приложить к этому не только голову, но и средства, которых у нас, конечно, нету. (Уж не спрашивайте — почему?). Но вот поставили в кинотеатре ряды так, чтобы каждый следующий был сдвинут на полкресла, — ведь это не только валюты, но даже родной копейки не требует. И уже зритель смотрит не в затылок, а в промежутки между затылками.

А разместить в театральном фойе буфетные прилавки кольцом или квадратом, а буфетчи-

цу — внутрь, чтобы она перед антрактом заранее на прилавке все выставила (пирожные, бутерброды, напитки), тоже денег не надо. Зато зритель успеет все без очереди взять, оплатить и поевать. Всем так удобно и выгодно. У них задача: обслужить с удобствами побольше человек. А у нас?

Вопросы, вопросы... Я задал нашим администраторам разных уровней и получил один и тот же ответ: «А кому это надо?»

Ну в самом деле! Ряды сдвигать, прилавки переставлять, к манекенам еще какие-то устройства прилаживать. Списки составлять. А потом, ведь актеры люди живые: похудел, потолстел, значит, поправки в списки

указано. Пальчиком погрозят. А может, следовало бы наоборот? Иначе, что же это за начальство — считается ответственным, а ответственность его меньше подчиненного. Или начальник не в силах обеспечить порядок? Как же тогда он в начальники пробился? Значит, не по деловым качествам? Уж не по родственным ли, скажем, со стороны жены или еще откуда? Так ведь еще Петр (тот самый, Великий) повелел, чтобы по родственным связям к делу не допускать. Выходит, памятки чтим, а памятные поучения?..

Но вернемся к глобальным задачам. Что тут вызывает беспокойство? Поток слов, в которых они тонут. Уж о неряшливости речи что сказать? Взглянул вы-

и бьются в судороге те, кого почему-то называют музыкантами. Или без конца прогуливаются, перебирая ножками, девицы с отрешенно-надменными лицами. И на кого же это они с экранов взирают? Да на вас, на тех самых женщин, которые, часами отстояв в очередях, счастливы бывают, если достанут хоть что-то необходимое для еды или годное из одежды. А им — туалеты, в которых разве лишь на воздушном шаре полетишь. Нашли время и место.

Или, опять-таки по ТВ, почтительно интервьюируют колдуна, гадалку, астролога, подробенейше сообщают гороскопы. И это — в конце двадцатого века? Тогда уж почему бы не показать отечественных леших, ведьм, привидений и прочей нечисти? Неужели нету? Это у нас-то? Не поверю. Не к лицу нам все-таки отставать от средневековья. Тем более что тогда хоть и без ТВ, а с этим делом отлично справлялись.

Могут спросить: ну а почему бы такое и не показывать, хотя бы в порядке развлечения? Не все же о деле да о деле. Тем более что во всем остальном мире, который достаточно и успешно деловит, подобному зрелищу также отдают дань. Но в том-то и суть, что там оно не оттесняет дело. Всему своя мера. А наша беда, что мы меры не знаем и бросаемся из крайности в крайности. Из хамства в холуйство. То писателя, композитора, политического деятеля, да любого — затопчем, то начинаем перед ним стлаться. Или наоборот. (Примеры у всех на слуху и перед глазами). Что за напасть, что за болезнь такая? И в чем особое бесстыдство: то, что это делают подчас одни и те же люди. И обязательно при этом винят других. Ну добро бы дело касалось не главного, тогда можно и посмеяться. К примеру, то некогда возмущались куллей-продажей зарубежных спортсменов, то теперь завистливо подсчитываем, как бы самим не продешевить. То глумимся над «хихинми» конкурсами красоты — дескать, публичная торговля женским телом, — то сами заряжаем на эти конкурсы даже школьниц. А те, естественно, у всех на глазах шалеют от подарков, утирают подкрашенные слезы, прощаются, играя бедрами, и поправляют сползающие на ухо короны. А в это время их мамы, отстояв в очередях, ковыляют домой с двумя сумками (если повезет). То мы... Ну и так далее, смотри незабвенные «12 стульев» Ильфа и Петрова, соревнование Элочки Щукиной с дочерью Вандербильда.

Хоть и совершенно, но, повторяю, шут бы с ним, если бы дело не выходило за рамки победных сторон нашего бытия. Но когда броски и словоговорения под маркой плюрализма продолжают без конца, отягизая на «ближайшее время» решения по экономике, правдам, экологии, армии и подобным истинно глобальным проблемам, — тут уже не до смеха. Тут циничное «кому это надо?» может привести к катастрофическим последствиям, а потому имеет преступный оттенок.

Тут уже, глядя, как перепускается энергия людей на второстепенные задачи, а то и вообще на нечто сомнительное, стоит высказать: а кому это надо? И для чего? Но ведь кому-то надо: ответы людей от настоящего дела!

А без настоящего дела пропадем, братцы. Уже иные силы будут помышлять нами. И не когда-нибудь, не «после перерыва» и не «в ближайшем времени», а в то время, которое не нами будет выбрано. Так, может, все же, пока не поздно, перестанем валить на других собственные недостатки: и из моря слов выйдем на берег дед?

С. АЛЕШИН,
кинодраматург.

ГЛОБАЛЬНЫЕ МЕЛОЧИ

Почему мы никак не научимся
приложить к ним голову и средства

вноси. Морока. Не проще ли, вызвал его, голубчика, пусть стоит. Не под дождем же. Да и под дождем — не сахарный, не растает. И зритель — на бегу жуует, не подавится.

Я предвижу раздражение: «Что это вы с пустяками? Ряды в зале, пандусы, манекены для примерки. Не о том сейчас надо. Мелочи это. Не до них. У нас глобальные вопросы ждут разрешения. Вот глобальными мы согласны заниматься». (Заниматься — это значит обговаривать, да?)

И занимаются. Как ни включить телевизор — занимаются, занимаются. Все, кому не лень. А пока — свое дело не движется. Мелкое оно. Не до него. (Впрочем, поскольку сейчас министры культуры из артистов, то, может, и улучат минутку, обратят внимание на мелочи, о которых выше).

Но вот беда, без кирпичиков здания не построишь. Правда, сперва действительно нужен проект. Грамотный. И чтобы он неукоснительно выполнялся. Иначе здание рухнет.

Иными словами, требуются законы. Да, закон принять — дело глобальное. Это тебе не пирожные на прилавке расставить. Что же, газету раскрошить, а законы — тут как тут, один другого лучше, живи да радуйся. (Странно, правда, что за 70 с гаком, куда ни ткни, всюду прорехи. Не удосужились тогдашние законодатели нужных законов принять. Чем только они, любезные, занимались?) Зато теперь, будем считать, порядочного человека закон просто со всех сторон защищает. Но вот какая заковыка: такую формулу в законе — чтобы ни вправо, ни влево — трудно уловить. Возможно, и даже скорей всего, квалификации не хватает. Однако законы-то ведь для всех пишут. И тогда возникает болячка, а вдруг кое у кого непорядочного хватит квалификации закон обойти и порядочному нос утереть. Опять-таки с гарантиями закона какая-то неясность. Нет того, чтобы попросту было сказано: не выполнил — получишь. Причем кто и сколько. И еще одной гарантии закона вроде бы не хватает: независимого суда. А это бывает лишь при несменяемости судей и суде присяжных.

Вот, наверное, потому на практике подчас и получается: закон нарушен, стрелочника — катажку, а начальству — стро-

стовать, так хоть поучись этому. Ибо кто неряшливо говорит, неряшливо мыслит. Однако возьмем тот случай, когда речь гладка, даже стройна и вроде бы перед нами записной оратор. Слова подобраны превосходно. Фразы имеют видимость полной деловитости. Обнадешивают на все сто процентов. Для уха — наслаждение. Но вслушайтесь, вдумайтесь, что вы услышали. Какова обязательность этих обещаний? «Изучим». «Разберемся». «Есть подвиги». «Имеются наработки». И самая коронная и распространенная фраза, обещающая решить все: «В ближайшее время».

Ох уж это пресловутое «ближайшее время». Сколько раз надо быть обманутым этой фразой, чтобы наконец понять, что она вроде горизонта — попробуй доберись. А к ней уже в ходу и довески: «после первого», «с будущего года» и тому подобному. Как будто человечество не изобретены часы, дни недели, числа и вообще люди не научились еще точно обозначать время и сроки.

Мне кажется, уже давно все поняли — жизнь заставила! — всю сложность, неотвратимость тех истинно глобальных задач, что стоят перед страной и каждым из нас. И срочность их решения. Так почему же с таким азартом расходуется энергия на споры по вопросам, пусть имеющим значение, но далеко не столь жизненно важным? О названиях улиц, городов, о символических гимнах, о памятниках — какие снять, а если оставить, то где? Кому вот это так приспичило в первую очередь? Неужели именно этим нужно сейчас заниматься? (Нет, я не вижу тут противоречий с тем, что выше было сказано о «мелочах»). Пандусы для инвалидов не мелочь. Библиотеки и театры не мелочь. Условия работы и отдыха — это условия жизни, при которой человек должен чувствовать о себе заботу, а не быть униженным).

И еще. Телевидение — могучая информационная сила. А оно, словно околдованное, перемещает важнейшие, а подчас тлостные, но необходимые сообщения, к примеру о росте преступности или о постыдных условиях существования нашей медицины — чем же? Демонстрациями расползшихся, как тараканы, рок-ансамблей или показами мод. И вот уже по всем программам иступленно хрипят